

[Фасм.] – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964. [ЭССЯ] – Этимологический словарь славянских языков. – М., 1974–1997. – Вып. 1–30.

[SJS] – Slovník jazyka staroslověnského: I–IV. – Praha, 1966–1997.

Литература

1. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы / Г.А. Николаев. – М., 2009.
2. Улуханов И.С., Солдатенкова Т.Н. О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка / И.С. Улуханов, Т.Н. Солдатенкова. – Russian Linguistics. – 2002. – 26. – S. 29–62.
3. Улуханов И.С., Солдатенкова Т.Н. Семантика древнерусской разговорной лексики / И.С. Улуханов, Т.Н. Солдатенкова. – Russian Linguistics. – 2004. – 28. – S. 361–400.
4. Улуханов И.С., Солдатенкова Т.Н. Семантика древнерусской разговорной лексики (социальные названия лиц) / И.С. Улуханов, Т.Н. Солдатенкова. – Russian Linguistics. – 2006. – S. 1–52.

Т.Е. Гревцова

ПИРОГ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ТЕРМИН И ОБРЯДОВАЯ РЕАЛИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ СВАДЬБЕ

Изделия из теста являются неотъемлемой частью свадебного стола всех славян. Выпечка символизирует достаток, благополучие и счастье новобрачных, а свойства главного свадебного хлеба в традиционном сознании продуцируются на будущую семейную жизнь молодых. Богатство свадебного стола обеспечивает достаток и благополучие новой семьи. Следствие таких представлений – изобилие и разнообразие изделий из теста на свадебном столе. Одни и те же формы хлеба могут выступать в качестве угощения на свадебном столе и в качестве самостоятельного изделия, с которым совершаются ритуальные действия на разных этапах обряда. То же самое можно сказать и о пироге как форме хлеба в локальных восточнославянских традициях.

В современном русском литературном языке у лексемы *пирог* фиксируются значения «мягкое выпеченное изделие из раскатанного теста с начинкой» и «хлеб из мелко смолотой и хорошо просеянной муки» (с пометой «областное») [Словарь современного русского литературного языка: 9, 1211–1212]. Эти значения отмечены у данной лексики уже в древнерусском языке. Однако значение «хлеб», по-видимому, является более ранним, так как фиксируется в памятниках письменности уже с XII-го в. [Словарь церковнославянского и русского языка: 3, 265–266; Срезневский: 2, 933, Словарь русского языка XI–XVII вв.: 15, 49]. Начиная со словаря В.И. Даля, а также в диалектных словарях эти значения сохраняются. Словом *пирог* обозначается как выпечка с начинкой, так и хлеб из пшеничной муки. Общая семантика данных значений – «изделие из сдобного теста, выпекаемое по торжественным случаям, в праздники», которая обусловлена этимологией слова (от корня *pir-* (рус. *пир*), который в свою очередь происходит от индоевропейского корня **pī-/*(ro(i)-* (рус. *пить*)) [Преображенский: 2, 63–65]. Изделия из теста выступают в свадебном обряде как

ритуальные предметы, что связано с осознанием вступления в брак как наиболее значимого события в жизни человека. Семантика пирога в свадьбе обусловлена теми обрядовыми действиями, которые совершаются с данной формой на разных этапах ритуала.

Следует отметить, что значение «выпеченное изделие из теста с начинкой» для данной лексики характерно только для восточных славян. В западнославянских языках слово обозначает вареное изделие из теста с начинкой, т.е. вареник или пельмень [Гура 2012: 347]. Кроме того, значение лексики «хлеб из мелко смолотой муки» не зафиксировано в украинском и белорусском литературном языках [Словник української мови: 6, 356; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: 4, 259]. В диалектах украинского языка у слова встречается значение «вареник», появление которого, видимо, связано с влиянием польского языка [Словник української мови: 6, 356].

В восточнославянских диалектах лексема *пирог* обозначает семиотически значимую для культуры реалию: с пирогом совершаются ритуальные действия на различных этапах свадебного обряда. Это связано с тем, что пирог, как и другие изделия из теста, воплощает основные символические смыслы свадьбы. Культурный термин *пирог* служит мотивирующей основой для названий форм выпечки (*журеный пирог* – «пирог, использующийся для угощения жениха в доме невесты» [Подюков 2004: 113], *кроеный пирог* – «пирог, который привозят на свадьбу и делят между присутствующими» (ЯОС: 5, 91)), обрядов и обрядовых действий (*молодухин пирог* – «вечер у новобрачной, во время которого ее одаривают подарками» (СРНГ: 18, 228), *пирогои* – «пир на второй день свадьбы» (СРНГ: 27, 40), персонажей (*пирожные осадчики* – «дети, участвующие в свадебном обряде» (СРНГ: 23, 350), *пирожница* – «женщина, приносящая молодым пирог на второй день свадьбы» (СРНГ: 27, 42)). Все это позволяет говорить о наименовании *пирог* как о культурном термине в восточнославянской традиции.

Рассмотрим наименования форм выпечки, обрядов, обрядовых действий и персонажей, содержащих корень *пирог-*.

1. Простые наименования образуются путем метонимического переноса: у культурного термина, обозначающего обрядовый хлеб, с которым совершаются ритуальные действия на определенном этапе свадьбы, появляется новое значение. Например, название *пирогои* (СРНГ: 27, 40) обозначает различные обряды послесвадебья. Кроме того, от лексики *пирог* могут быть образованы новые наименования путем аффиксации (например, *пирожник* – «один из свадебных чинов» (СРНГ: 27, 41), *стирожки* – «застолье у невесты» (СРНГ: 40, 146)).

2. Составные наименования образуются несколькими способами.

2.1. Образование словосочетаний, в которых лексема *пирог* – главное слово. Например, *разъезжи пироги* – «последний день свадьбы» [Подюков 2004: 113], *пирог придански* – «свадебный пирог» (Лисенко: 161).

2.2. Образование словосочетаний, в которых лексема *пирог* и ее производные являются зависимым словом.

2.2.1. Словосочетания с типом связи согласование, в которых образованное от названия *пирог* прилагательное соединяется с именем существительным (*пирожный день* – «второй день свадьбы» (СРНГ: 27, 42), *пирожные столы* – «праздник на третий день свадьбы в доме родителей молодой» (СРНГ: 27, 42)).

2.2.2. Словосочетание с типом связи управление, в которых глагол или отглагольное существительное, обозначающее обрядовое действие, управляет словом *пирог* в косвенном падеже (*переломить пирог* – «совершить рукобיתье» (СРНГ: 26, 149), *у піраги ездзіць* – «посещать молодых после свадьбы (о родителях молодого)» (Мяцельская: 275)).

Пирог как обрядовая реалья (форма выпечки, имеющая начинку), в отличие от культурного термина, присутствует во всех славянских традициях. Однако не во всех традициях используется слово *пирог* для обозначения изделия из теста с начинкой.

Наименования изделий из теста с начинкой, с которыми совершаются ритуальные действия в восточнославянском свадебном обряде, могут быть образованы от разных корней. Мотивирующей основой этих названий выступает форма и внешний вид изделия (*круглик* – «открытый сладкий пирог, который обязательно печется на свадьбу» (БТСДК: 242), *хорошуля* – «круглый с украшениями свадебный пирог» (ЯОС: 10, 39)), состав начинки (*курник* – «пирог с курицей» (СРНГ: 16, 134), *солоник* – «пирог с начинкой из соли, иногда с луком, который пекли на свадьбу» (СРНГ, т.39, с.298)), функция в обряде (*разгонник* – «пшеничный пирог, подаваемый в конце свадебного стола» (Дилакторский: 428), *свадебник* – «свадебный пирог» (СРНГ: 36, 248).

Обрядовые действия с изделиями из теста с начинкой совершаются на всех этапах восточнославянской свадьбы. Во время ритуалов предсвадебья пирог служит как предмет дара, знак закрепления договора о браке. Например, обрядовое действие, обозначающее словосочетанием *переломить пирог*, означает совершение рукобיתья, т.е. окончательную договоренность о свадьбе (СРНГ: 26, 149). Пирог может выступать в роли свадебного каравайа во время главного застолья в день венчания, когда происходит разделение хлеба и одаривание молодых. Обрядовые действия с ним во время свадебного застолья обозначаются словосочетаниями *класть на пирог* (СРНГ: 13, 268), *бросать на пирог* (СРНГ: 3, 25), *кидать на пирог* (СРНГ: 27, 40) (их можно сравнить с аналогичными выражениями, мотивированными термином *каравай*).

Широко распространены обрядовые действия с пирогами на этапе послесвадебья. В этот период происходят многократные посещения невестой своих родителей, а также прием родных молодых. Ритуальные действия этого этапа связаны с тем, что новобрачные должны вернуться в общество после «умирания» в прежнем статусе, что актуализирует поминальную символику, присущую пирогу как обрядовой форме хлеба [Гура 2009: 50]. Большая группа терминов, обозначающих обрядовые действия и эпизоды послесвадебья, мотивирована культурным термином *пирог*: *пирожный стол* – «праздник на второй день свадьбы» (СРНГ: 27, 42), *пирог* – «обед после свадьбы» (Аркушин: 1, 335), *молодухин пирог* – «вечер у новобрачной после венчания, во время которого ей дарят подарки» (СРНГ: 18, 228) и др.

У восточных славян пирог как обрядовая реалья значим для родильно-крестильного, похоронного, календарного обрядовых комплексов [Гура 2009: 47–52]. Как и другие формы хлеба, пирог является неотъемлемой частью предметного кода и в свадебном обряде. Однако данная форма получает разное воплощение в языке ритуала, что связано с использованием формы в различных эпизодах свадьбы, изготовлением пирогов с разными видами начинки, различным восприятием данной

выпечки носителями традиции и выделение ими одного признака изделия в его названии.

Обрядовые функции данного вида выпечки сходны с функциями других изделий из теста, что подтверждает параллелизм некоторых названий обрядов и обрядовых действий (*кидать на каравай* (БТСДК: 209) – *бросать на пирог* (СРНГ: 3, 25), *пирожный день* (СРНГ: 41, 197) – *блинный день* (СРНГ: 3, 25) и др.). Характеристики пирога как обрядовой реалии находят выражение в вербальном коде свадебного обряда: от корня *пирог*- образован ряд терминов, обозначающих ритуальные действия, эпизоды обряда, персонажей свадьбы, так или иначе связанных с использованием данной выпечки в ритуале. Лексема *пирог* используется при описании обрядовых действий с выпечкой на большей части восточнославянской территории, тогда как другие наименования данной реалии (*курник*, *кулебяка*, *круглик*, *разгонник*) либо имеют ограниченный ареал распространения, либо обозначают лишь некоторые формы выпечки, либо с ними совершаются ритуальные действия на определенных этапах свадьбы (или не совершаются вовсе: эти изделия из теста служат для обеспечения богатства и плодородия наряду с другими формами хлеба). В ритуальных действиях, совершаемых с пирогом в свадебном обряде, актуализируется сема «праздничная выпечка», которая сохраняется и в настоящее время. Все это является доказательством того, что лексема *пирог*, являющаяся гиперонимом к другим названиям данной обрядовой реалии, функционирует как культурный термин в восточнославянской свадебной традиции.

Источники материала

- Аркушин – Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок. У 2-х т. / Г.Л. Аркушин. – Луцьк, 2000. – Т. 1–2.
- БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф общ. и сравнительн. языкознания. – М., 2003.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. / В.И. Даль. – т. 1–4. – М., 1998.
- Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. – Спб., 2006.
- Лисенко – Лисенко А.С. Словник поліських говірок / А.С. Лисенко. – Київ, – 1974.
- Мяцельская – Мяцельская Е.С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі (рэд. А.М. Ляпич) / Е.С. Мяцельская, Я.М. Комароўскі. – Мінск, 1972.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов. – Вып. 1–42. – М.-Л., 1965–2008.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Литература

1. Гура А.В. Пирог / А.В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-и т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 4. – М., 2009. – С. 47–52.
2. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика / А.В. Гура. – М., 2012.
3. Подюков И.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. – Колье, Соликамск, Березники, Пермь, 2004.
4. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка / в 3-х т. / А.Г. Преображенский А.Г. – СПб., 1910–1914.

- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / в 3-х т. / И.И. Срезневский. – СПб., 1893–1912.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. – Т. 1–28 – М., 1975–2008.
- Словарь современного русского литературного языка. / В 17-и тт. – М.–Л., 1950–1965.
- Словарь церковнославянского и русского языка / в 4-х т. – СПб., 1847.
- Словник української мови. Вып. 1–11. – Київ, – 1970–1980.
- Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы): у 5 тт. – Мінск, 1977.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ДРЕВНИЕ БУЛГАРСКИЕ ЯЗЫКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА

При общем сравнительно высоком уровне изученности тюркских лексических элементов «Слова о полку Игореве» содержащиеся в языке данного памятника репрезентаты более древних болгарских языков еще не становились предметом специального рассмотрения. Вместе с тем имела место и недавняя, но не квалифицированная попытка привлечения псевдобулгарского лексического материала кумыкского языка, якобы получившего отражение в «Слове о полку Игореве» [см. Гусейнов 2010]. На самом деле соответствующие факты неэтнонимического характера (см. ниже) ограничиваются несколькими словесными формами рассматриваемых языков.

1. Др.-русск. ЧАГА «девушка-невольница» <булг. *čaqar*> кум., к.-балк. *čayar* «крепостной крестьянин»

В «Слове» ЧАГА упоминается один раз в контексте: «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ», т.е. в форме И.п. ед.ч., а также в Ипатьевской летописи (XV в.) под 1170 г. – ЧАГАМИ [Сл.-спр.СОПИ 1989, 6: 144]. С одной стороны, как полагал Н.А. Баскаков [1985: 157], «...нет сомнений в том, что чага в «Слове» представляет собой тюркское заимствование в значении «девушка-невольница, рабыня», хотя в тюркских языках – древних и современных... оно сохранилось только в значении «ребенок, цыпленок, детеныш»... Возможно, что в «Слове» чага имеет и значение «пленники, не достигшие зрелого возраста» в противопоставлении к понятию кощей «взрослый пленник, раб, работник».

К формам, с которыми сравнивалось рассматриваемое слово [см. Менгес 1979: 170; Сл.-спр. СОПИ 1984, 6: 144; Баскаков 1985: 157; ЭСТЯ 1978: 49], представляется возможным присовокупить кум. буйн., х.-юрт. *чагьалар* «дети», кум. буйн., подг. кайт. *чакьалар* «овцематки», «стадо дойных овец», «стадо овец без ягнят».

С другой стороны, данное слово возводится им к названию болгарского рода *чакар* [Баскаков 1985: 39], но обнаруживает большую близость к кум., к.-балк. *čayar* «крепостной крестьянин», не отмеченному в других тюркских языках. Однако усвоение его, по всей видимости, цокающего (булгарского) диалектного варианта – осет. *сауар* «раб», которое считается ввиду скиф. (собственное имя) Θαυαρος скифо-осетинской формой, из согд. *с'ур* [Абаев 1958: 286] маловероятно, так как цоканье неизвестно согдийскому [Осн. иран. яз.1979: 89], который,

будучи известным в некоторых районах Средней Азии [Больш. энц. сл. 1998: 456, 477], был утрачен до IX в. н.э. [Осн. иран. яз. 1981: 347, 349]. В осетинском оно «не может восходить к скифским временам» [Эдельман 1986:158], к концу которых – IV–V вв. н.э. – на Северном Кавказе уже были известны булгарские языки.

Поэтому источником кумыкского и карачаево-балкарского *čayar* могло быть перс. *čakar* «слуга», освоенное в соответствии с закономерностями тюркских языков: **čāqar* > *čayar* «крепостной крестьянин» > др.-русск. **čaga(r)*. Неустойчивость ауслатного -r в карачаево-балкарском языке и ареально смежном терском кумыкском диалекте и старописьменных кумыкских памятниках [Гаджиева 1979: 65] могла привести к его утрате, и слово могло быть воспринято как форма женского рода с окончанием -a – ЧАГА «девушка-невольница, рабыня».

2. Сула ~ арч. *zulu* «родник», лак. *zilu* «крытый родник».

Название данной реки – левого притока р. Днепр традиционно возводится к числу производных от тюрк. су, сув, суб «вода» + суфф. -лы (<-лык) «полноводная, имеющая воду» с утраченным при освоении в русском языке ауслатным согласным [см. Сл.-спр. СОПИ 1978, 5: 253], прямо соответствующим *suwlay* (М.Кашгари) и даже чаг. *sułay* «водопой» [Менгес 1979:131; Баскаков 1985: 109–110]. Данная река была, наверное, не единственной из притоков Днепра, обладавших подобными качествами, при кум. *Solaq* «нижнее равнинное (сворачивающее налево при впадении в Каспийское море) течение р. *Qojsuw*» (< пратюрк. **sol* (**sola* [Дерфер-ЭСТЯ 2003: 301]) > чув. *solayaj* «левый» [СИГТЯ 2006: 167]). Допущение сужения (-o->-u-) на (древне)русской почве позволяет предполагать болгарскую редукцию ауслатного -q в булгаризмах венгерского языка – (*solaq* > *solah*) вплоть до *sula*, но развилось в чувашском позже – к XIV–XV вв. [СИГТЯ 2002: 693, 703, 680].

Другая болгарская реконструкция ведет к пратюрк. **jul* «река» (<**jul* «источник, родник») > чув. *šäl* «река, родник, ключ», чув. диал. *šälä* «колодец», последнее из которых, по всей видимости, отражает производный (но с редукцией ауслатного -q – см. выше) вариант типа др.-, ср.-век.-тюрк. *julaq* «маленький ручей», «источник», «речка», «ручеек» [см.: СИГТЯ 2001: 87, 89; ЭСТЯ 1989: 244]. Он отражается в булгаризмах дагестанских языков, но с иным, озвонченным анлаутом – арч. *zulu* «родник», лак. *zilu* «крытый родник» [см. Хайдаков 1973: 75], что позволяет предполагать известность формы **sula* с s-анлаутом в рассматриваемом регионе и редуцированным ауслатом, каковой в чувашском языке также мог иметь место лишь после XV–XVI вв. [см. СИГТЯ 2002: 687, 680], но в рассматриваемом регионе гораздо раньше.

Показательно в указанном отношении название р. *Самара* (*Самарь*), в бассейне которого, между рр. *Сальница* и *Бык* или в междуречье рр. *Самара* и *Бык*, Игорь Святославич, по мнению некоторых исследователей, вел боевые действия против половцев. Ср. древнебулгарский гидроним *Самур* в южном Дагестане – исходную форму как вышеупомянутого *Самара* [Гусейнов 2008: 20,23 прим. 62], так и р. *Самара* (*Самарка*) – левого притока Волги, а также рр. *Сал* и *Маныч* в восточном Предкавказье, где, по предположению других ученых, могло иметь место вышеупомянутое сражение [см. Баскаков 1985: 110, 111].

Литература

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В.И. Абаев. – Т. I. – М.; Л., 1958.